

На правах рукописи

Эфендиева Галина Владимировна

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
ЖЕНСКОЙ ЛИРИКИ
ВОСТОЧНОЙ ВЕТВИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва – 2006

Работа выполнена на кафедре русской филологии
Амурского государственного университета

Научные руководители: доктор филологических наук, профессор
ФЕДОТОВ Олег Иванович

кандидат филологических наук, доцент
ЗАБИЯКО Анна Анатольевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
АГЕНОСОВ Владимир Вениаминович

кандидат филологических наук, доцент
АЛЕКСАНДРОВ Владимир Юрьевич

Ведущая организация: Благовещенский государственный
педагогический университет

Защита состоится «16» ноября 2006 года в 15-00 часов
на заседании диссертационного совета Д 212.203.23
при ГОУВПО «Российский университет дружбы народов»
по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд.436.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского университета
дружбы народов по адресу: г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат разослан «13» октября 2006 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

 А.Е. Базанова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено изучению женской лирики русского восточного зарубежья, её истории, эволюции и проблеме художественного своеобразия. Активная работа по собиранию и изучению литературы русского Китая началась ещё в конце 80-х годов прошлого века за рубежом и продолжилась затем в России (О.М. Бакич, Е.В. Витковский, Дяо Шаохуа, В.П. Крейд, Е.П. Таскина, Э. Штейн и др.). В настоящее время наметился качественно новый этап в изучении литературы восточного зарубежья. На смену скромным подборкам стихов дальневосточных поэтов в журналах и разрозненным литературоведческим публикациям приходят персональные литературные издания, новые книги мемуаров, а также специальные научные исследования, посвящённые жизни и творчеству российских эмигрантов в Маньчжурии. Объектом большинства литературоведческих исследований является, как правило, творчество крупнейших представителей харбинской ветви литературы русской эмиграции (А. Несмелов, В. Перелешин, А. Ачаир, Вс.Н. Иванов). К настоящему времени уже защищён ряд диссертационных работ и опубликованы монографические труды о творчестве этих авторов (О.А. Бузуев, А.А. Забияко, С.И. Якимова). Тем не менее, на литературной карте дальневосточного зарубежья остаётся немало «белых пятен» в отношении как отдельных историко-литературных и биографических фактов, так и целых творческих судеб и художественных тенденций. Для создания целостного представления о путях развития литературы русской диаспоры в Китае изучения творчества литераторов лишь первого ряда, конечно, недостаточно. В этом отношении особый интерес представляет женская лирика русского Китая, главным образом, Харбина, которая до сих пор не была предметом специального научного рассмотрения. Под термином «женская лирика» понимаются поэтические произведения, написанные женщинами и отражающие специфический женский взгляд на мир и человека.

Актуальность диссертации определяется необходимостью построить полную картину развития русской литературы XX века в диалектическом единстве художественных тенденций зарубежья и метрополии, зарубежных «центров» и зарубежной «провинции», центральных фигур литературной жизни российской эмиграции и «незамеченного поколения», сосредоточив исследовательский интерес на изучении отдельных явлений литературного процесса русской диаспоры Китая в 1920-1940-х гг.

Историко-поэтологический анализ художественного творчества российских эмигранток в Харбине приобретает исключительную важность ещё и в качестве наглядного свидетельства особой роли эпохи «серебряного века» в культурном и литературном движении за пределами нашей Родины. Кроме того, тексты харбинских поэтесс, отражающие особенности женского опыта, привычек, взглядов, вообще, жизни в эмиграции, представляют ценность не только как продукт литературы, но и как источниковедческий документ.

Таким образом, обращение к женской лирике в контексте харбинской литературы поможет реконструировать социокультурную ситуацию, в которой оказались русские эмигранты в Китае, обрисовать общие тенденции развития литературного процесса в зарубежье, а также открыть новые поэтические имена, и, возможно, выявить некоторые специфические черты литературного процесса дальневосточной эмиграции в его гендерном аспекте.

Объектом исследования является поэтическое наследие российских эмигранток Китая в первой половине XX века. Внимание обращено, прежде всего, на наиболее значимые поэтические фигуры, при этом акцент делается на произведениях, составляющих целостный контекст либо в пределах прижизненного сборника стихов (М. Колосовой, А. Паркау, О. Тельтофт, Ф. Дмитриевой), либо в рамках собранной позднее книги (Н. Завадской, Л. Хаиндровой).

Кроме того, в работе задействован целый ряд художественных текстов, опубликованных в периодических изданиях, антологиях или находящихся в частных собраниях (Л. Андерсен, М. Визи, Е. Недельской, Е. Рачинской, Н. Резниковой, О. Скопиченко). Для сравнительного анализа используются произведения дальневосточных поэтов-эмигрантов – современников исследуемых поэтесс (А. Ачаира, К. Батурина, Б. Бета, Н. Светлова, М. Спургота, Е. Яшнова, а также тексты А. Вертинского), стихотворцев западной ветви русского зарубежья (Г. Кузнецовой, М. Цветаевой), авторов эпохи «серебряного века» (А. Ахматовой, А. Блока, Н. Гумилёва и др.).

В качестве дополнительного материала в диссертации привлекается существенный корпус мемуарной, критической литературы харбинских и парижских литераторов, уникальные материалы личных дел, заведённых в Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, хранящихся в Государственном архиве Хабаровского края (Ф. 830. Оп. 3).

Предметом исследования являются основные тенденции развития женской лирики русского Китая, а также специфические черты художественного мира отдельных поэтесс в контексте общего литературного процесса российского зарубежья первой половины XX века и постсимволистской эпохи.

Цель работы заключается в целостном литературоведческом анализе женской поэзии восточной ветви русской эмиграции в её эволюции. Данная цель определила следующие исследовательские задачи:

- рассмотреть биографический, социокультурный и этнокультурный аспекты творчества сочинительниц (условия и обстоятельства пребывания в Китае, принадлежность к тому или иному поколению, приверженность национальным и религиозным традициям, идеологические воззрения, эстетические приоритеты);
- провести историко-постологический анализ их произведений в совокупности тематико-образных, жанрово-стилистических и версификационных доминант;
- выявить специфику литературно-художественной практики русских поэтесс Китая по отношению к творчеству представительниц западного зарубежья и метрополии, а также творчеству поэтов-мужчин восточной эмиграции;
- установить характер влияния этно- и инокультурных традиций на творчество отдельных представительниц дальневосточной беженской лирики;
- определить место женского поэтического творчества русского Китая в общем контексте литературной жизни восточного и западного зарубежья России и отечественной литературы XX века в целом.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в отечественном литературоведении проводится системное исследование художественного наследия всех четырёх поколений русских поэтесс Китая.

Кроме того, в диссертации используются извлечённые из редких эмигрантских периодических изданий художественные и критические тексты, значительный корпус мемуарной литературы, архивные и библиографические материалы, связанные с творчеством эмигрантов-дальневосточников. Впервые в научный оборот вводятся по-

этические сборники: «Господи, спаси Россию!», «На зvon мечей» М. Колосовой, «Родной стране» А. Паркау, «Бренные песни» О. Тельтофт, «Свой маленький след» Р. Кольберг, «Светлое кольцо» Н. Завадской; в качестве мемуарных источников впервые используются недавно опубликованные воспоминания О. Ильиной-Лаиль «Восточная нить», В. Слободчикова «О судьбе изгнанников печальной», Л. Хаиндровой «Вспоминая ушедшее» (из книги «Сердце поэта»), Е. Якобсон «Пересекая границы».

Положения, выносимые на защиту:

1. Женской поэзии в русском Харбине было уделено особое место и созданы благоприятные, по сравнению с русским Берлином и русским Парижем, социокультурные условия для её развития. Благодаря этому лирика харбинских сочинительниц составляет значительную долю всего поэтического наследия дальневосточной эмиграции, она обладает художественной спецификой и требует отдельного изучения в соотношении с творчеством поэтов-мужчин и авторов-женщин западного зарубежья и метрополии 20–40-х гг. XX века.
2. Обращение русских женщин, волей судеб оказавшихся в Китае, к литературно-художественной деятельности нередко становилось формой личностной самореализации и самоидентификации на чужбине, о чём свидетельствуют как тематические, жанрово-стилистические доминанты поэтических произведений, так и образы их лирических героинь, характер стихотворных посвящений (обращений), и соответствующие образно-поэтические сентенции.
3. Поэтологические особенности женской лирики русского восточного зарубежья часто обусловлены социально-возрастным статусом поэтесс, психоэмоциональным складом натуры каждой из них, а также этнопсихологическим портретом. Принадлежность женщины-автора к тому или иному литературному поколению, прежде всего, сказалась в обращении и разработке темы России, Родины, в особенностях поэтического языка. Национальная и гендерная природа поэтесс-дальневосточниц, в первую очередь, повлияла на характер их адаптации в инокультурной среде, процесс этнокультурного взаимодействия в условиях китайской эмиграции, а также определила художественную рефлексию философской проблемы «Восток-Запад».

Методологической основой исследования служит комплексный подход к изучению женской поэзии русского Китая, который заключается в применении историко-литературного, историко-социологического, социокультурного, этнопсихологического, гендерного и стиховедческого методов исследования. Обращение к художественному наследию сразу нескольких поколений поэтесс привело к необходимости сочетания в работе синхронического подхода с диахроническим, а также использования компаративного анализа в его сопоставительно-типологическом и сравнительно-генетическом аспектах.

Теоретической и методологической базой являются монографические исследования крупных отечественных и зарубежных специалистов в области истории литературы русского зарубежья: В.В. Агениосова, Г.В. Адамовича, О.А. Бузуева, В.Ф. Булгакова, В. Казака, Б. Кодзиса, А.Г. Соколова, Г.П. Струве; работы ведущих отечественных стиховедов и литературоведов: В.С. Басевского, М.Л. Гаспарова, В.М. Жирмунского, С.И. Кормилова, Ю.М. Лотмана, Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова, О.И. Федотова, Е.Г. Эткинда; материалы российских учёных в области гендерных исследований: Е.И. Горошко, О.Р. Демидовой, А.В. Кирилиной, М.В. Михайловой, Н.Л. Пушкарёвой, И.Л. Савкиной, Е.И. Трофимовой; труды рус-

ских и европейских мыслителей XX века: Н.А. Бердяева, О. Вейсдингера, В.С. Соловьёва, З. Фрейда, К.Г. Юнга.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в том, что в ней представлена история становления женской лирики русского дальневосточного зарубежья; проделан системный анализ художественных особенностей поэтических текстов русских эмигранток в Китае в соотношении с общими тенденциями развития литературы восточного и западного крыла русской эмиграции, рецепции ими литературы эпохи «серебряного века» и её отголосков в 1920-1940-х гг.

Материалы диссертации могут быть использованы при чтении лекционных курсов по истории отечественной литературы XX века, в спецкурсах и спецсеминарах по проблемам русской эмигрантской литературы, а также в дальнейшем исследовании поэзии дальневосточного зарубежья. Самостоятельной ценностью обладает список литературы, особенно те его разделы, в которых представлен перечень сочинений харбинских поэтесс, а также специальных работ об их жизни и творчестве.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в докладах на международных и межрегиональных научно-практических конференциях: «Россия и Китай на Дальневосточных рубежах» (Амурский государственный университет, 2001-2003, Благовещенск, 2005); «Культура Российского Зарубежья. Петербуржцы-эмигранты 1917-1945 гг.» (Институт «Русское зарубежье» Санкт-Петербургского Центра международного сотрудничества, Санкт-Петербург, 2003); «Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён до начала XX века)» (Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, 2004); «Набоковские чтения» (Амурский государственный университет, Благовещенск, 2001-2006); «Проблемы изучения культуры Русского зарубежья» (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Москва, 2006).

Содержание диссертационного исследования отражено в 13 научных статьях.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, включающего 365 наименований. Объём работы – 220 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, осмысливается степень её научной разработанности, формулируются цели и задачи исследования, методологические принципы анализа, освещаются основные положения, выносимые на защиту, обозначается теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

Первая глава «Литературная деятельность русских поэтесс Китая в культурном пространстве российского зарубежья: развитие тенденций «серебряного века» в контексте региональных особенностей» включает в себя три раздела, посвящённых общим тенденциям развития женской поэзии в русском Харбине.

В разделе «Художественное творчество женщин в России на рубеже XIX-XX веков» основное внимание сосредоточено на особенностях социокультурной ситуации в России в начале прошлого столетия – времени, ознаменованном массовым вхождением представительниц слабого пола в литературу и оказавшему существенное влияние на художественную практику российских эмигранток в 1920-1940-е гг., а также на характер восприятия их творчества.

Во втором разделе «Роль и место эмигранток-дальневосточниц в культуре и литературе русского зарубежья» устанавливается, что журналистика и сочинительство были в русском Китае весьма распространёнными и доступными для женщин профессиональными сферами деятельности. С одной стороны, русских беженок вдохновлял литературный опыт предшественниц «серебряного века» и поэтесс советской России, с другой – литературное творчество и журналистская практика становились для классически образованных и духовно развитых эмигранток из России единственной возможностью получить столь необходимый в изгнании заработок.

В истории литературы русского Китая женщинам суждено было сыграть особую роль. Так, Александра Паркау сумела «разбудить» харбинскую литературу и стать в этом центре восточной эмиграции «первым по времени профессиональным поэтом» (В. Крейд). Позднее, в Шанхае она издала два поэтических сборника: «Огонь неугасимый» (1937) и «Родной стране» (1942). Прекрасно владея французским, А. Паркау мастерски перевела на этот язык стихи А. Ахматовой, а также А. Блока, В. Брюсова (благодаря чему жители французской колонии в Китае познакомились с русским символизмом), и, наоборот, на русский язык – Поля Жеральди, Жана Ришпэна и других французских поэтов. В разные годы на квартире этой высокообразованной женщины (сначала в Харбине, а затем в Шанхае) проводились творческие вечера. Именно после одного из них и возникла идея создать в Харбине литературно-художественное объединение – легендарную впоследствии «Чураевку».

Немного позднее на харбинском поэтическом горизонте появилась ещё одна крупная и знаковая для дальневосточной эмиграции женская фигура – Марианна Колосова, в дальнейшем автор пяти сборников стихов, большого числа отдельных поэтических публикаций, ряда политических статей, организатор небольшой платной библиотеки для русских читателей-эмигрантов. До эмигрантского периода жизни у неё, как и у А. Паркау, опыта сочинительства не было, и в «чураевском» списке поэтов она не значилась, но это не помешало М. Колосовой стать самой любимой поэтессой русского Китая (Э. Штейн), чьи сборники расходились очень широко. Мятежный образ поэтессы и её творчество оказывали особенное воздействие на политически активную молодёжь: офицеры и юнкера, уходившие через границу на боевые задания в СССР, как молитву, заучивали её пламенные строки.

Ещё одной женщиной, приводившей в движение молодую творческую энергию в русском Китае, была Ларисса Андерсен – очаровательная девушка и талантливая поэтесса. Недаром «избалованный» А. Вертинский, говоривший, что литература на Дальнем Востоке «представлена наиболее бедно», «поэзия совсем слаба», «за исключением нескольких одарённых единиц здесь нет никого...», всё-таки наряду с М. Колосовой выделил творчество Л. Андерсен.

Большим и интересным дарованием в восточном зарубежье считали и Лидию Хаиндрову. Её творчество высоко ценил, например, крупнейший поэт русского Китая А. Несмелов. Кроме того, в начале 1940-х годов харбинские эмигранты открыли ещё один поэтический талант – Нину Завадскую, умершую в юном возрасте. Так, Г.Г. Сатовский считал: «...что, если бы беспощадная судьба не отняла от нас молодой поэтессы, если бы творчество её могло совершенствоваться и развиваться ещё в течение нескольких лет, мы имели бы перед собою законченный поэтический талант, а русская поэзия обогатилась бы вполне самостоятельной и крупной величиной».

В заключении раздела автор работы отмечает, что в русском Китае выросло довольно много интересных и даровитых поэтесс, большинство из которых принадле-

жало к «младшему» поколению литераторов русского Китая: тем, кто был привезён в Китай детьми (или родился там), прошёл школу «Чурасвкн» и проявил себя в 30-е годы прошлого века. Конечно, считать их «эмигрантами» в строгом смысле слова не совсем верно, также как и называть только поэтессами, ведь многие пробовали себя и в прозе. Кроме того, активно сотрудничая в редакциях различных журналов и газет, они имели опыт публицистической, переводческой и литературно-критической деятельности.

В третьем разделе «Рецепция женского творчества в культурном сознании дальневосточной эмиграции» выясняется, что представительницы прекрасной половины восточного крыла русской диаспоры, устремившиеся на поэтическую сцену вслед за А. Паркау, М. Колосовой, а также Л. Андерсен, без особых препон влились в местное литературное сообщество. Они не только не были вытеснены на периферию поэтической арены, но даже составили значительную часть всех её участников. Русские сочинительницы могли свободно публиковать в местных журналах и газетах свои поэтические и прозаические произведения, а также литературно-критические работы.

Хотя в целом отношение к авторам-женщинам в русском Харбине было доброжелательным, в своих критических отзывах на их произведения харбинцы «по традиции» сравнивали их с мужчинами-поэтами, наделяя понятия «поэт» и «поэтесса» оценочными характеристиками. С одной стороны, это было связано с общим недоверием ко всей литературной продукции местного – «провинциального» – производства, а с другой – запоздалой рефлексией акмеизма. Кроме того, не обошла стороной культурное сознание русских эмигрантов-дальневосточников и гендерно-детерминированная теория О. Вейнингера («Пол и характер»).

Но, несмотря на неоднозначный характер восприятия женского творчества в эмигрантском литературном сообществе, русским женщинам-лирикам в Китае всё-таки удалось занять лидирующие позиции и наравне с мужчинами войти в историю литературы восточной ветви российского зарубежья.

Вторая глава «Поэтологические особенности женской лирики русского Китая в контексте гендерной и этнокультурной самоидентификации» состоит из трёх разделов, в которых представлен анализ некоторых аспектов творчества харбинских поэтесс в соотнесённости с поэзией их собратьев по дальневосточной беженской лирике.

В разделе «Художественные способы реализации женского начала в культурной жизни русского Харбина и в поэтическом мире харбинских сочинительниц» освещаются условия эмигрантской жизни русских женщин в Манчжурии и отмечается, что их активная общественно-культурная деятельность (в частности, организация литературных гостиных), а также обращение к литературе стали своеобразным психологическим убежищем. Ведь собственные занятия сочинительством предоставляли уникальную возможность найти и испытать в воображаемом мире то, что им не было доступно в действительности (уютный дом, счастливое супружество, материнство). Поэтому женщины настойчиво стремились вносить в свои стихотворные тексты автобиографические мотивы, проецировать на творчество личный опыт чувствования и в то же время мифологизировать реальную жизнь, моделировать её по образцам и законам литературы.

Отдельной формой самореализации личностного начала для поэтесс стали посвящения (как к отдельным произведениям, так и к целым лирическим сборникам).

Конечно, наличие посвящения считать прерогативой только текстов авторов-женщин нельзя. Присутствие этого текстового компонента в стихах харбинцев было вообще довольно частым. Однако особенностью женских посвящений является то, что в качестве адресата сочинительницы особенно часто избирали близких и дорогих им людей: родителей, любимого мужчину, детей. Посвящая стихи тому или иному родному человеку, они стремились лишней раз подчеркнуть, что автор строк *женщина*, да к тому же реализовавшаяся в роли дочери или жены, матери, подруги.

В сознании русских харбинок материнство рассматривается как архетипическая черта, всемерно обострённая ситуацией эмиграции. Неслучайно Ларисса Андерсен начала свой творческий путь именно с колыбельной песенки, обратившись к жанру, традиционно связанному с *женской семейной лирикой*. Впрочем, многие жанры семейной обрядовой лирики (плачи, причитания, свадебные и похоронные песни, молитвенные обращения) испокон века создавались женщинами и девушками, так как «в них полнее всего отражаются именно их духовный мир, мысли, чувства и переживания» (С.Г. Лазутин). Необходимо отметить, что стихи некоторых поэтесс русского Харбина довольно часто перекликаются с такими фольклорными формами (см., например: «Плач по Харбинскому разрушенному Св. Николаевскому Собору» М. Визи, «Молитва» Ф. Дмитриевой, «Причеты» М. Колосовой, «Песенка» Э. Трахтенберг).

Такое («толстовское») отношение к материнству привело дальневосточных эмигранток к осознанию своей особой роли в воспитании подрастающего поколения и гипертрофированному восприятию проблемы утраты *русскости* в условиях иноземной жизни. В диссертации указывается, что эта тема нашла отражение и в творчестве поэтов-мужчин, но участь молодого поколения русских харбинцев, как и судьба самого Харбина, воспринимаются ими как неизбежные и необратимые: «Потеряем мальчика родного / в иностранце двадцати трёх лет» («Пять рукопожатий», А. Несмелов). Женщины же воспринимали надвигающуюся угрозу нивелирования русских детей в Китае как указание к незамедлительному действию по их патриотическому воспитанию: «Как бы в сердце детское Родину вложить» («Дни мои в изгнании сделались привычкою...»), О. Скопиченко).

В завершение раздела отмечается, что немаловажное значение в воспитании русских детей в эмиграции имел сам образ женщины. И здесь образцом для подражания выступали не только героини прошлых времён, а также современной исторической эпохи, но и разнообразные лирические характеры, представленные в творчестве местных сочинительниц.

Во втором разделе «Образ русской женщины в поэзии эмигранток восточного зарубежья» обнаруживается, что образ женщины и связанный с ним мотив женского предназначения занимает центральное место в художественном мире поэтесс русского Китая. Источником лирической рефлексии для них был, прежде всего, собственный внутренний мир. Поэтессы не только высказывались от своего лирического «я», но и зачастую подчёркивали свое женское начало: «Рождена ведь я всё-таки женщиной» (М. Колосова, курсив здесь и далее мой. — Г.Э.), «Я только женщина» (А. Паркау); «Ты зачем под окном стоишь, / Мандолиной тонкой звеня?.. / Я — капризная женщина лишь, / Что же ждать ещё от меня!..» (Э. Трахтенберг).

Активно декларируемая «женскость» стихов, в первую очередь, была связана с уникальным самоощущением, а точнее — с проблемой личностной самоидентификации на чужбине. В этом убеждает как особый подход поэтесс к выбору женских образов для своих произведений, так и сам характер лирических героинь. Женщина в тек-

стах дальневосточниц – это не только «говорящий субъект», но и объект повышенного авторского внимания. В их творчестве много стихотворений, специально посвящённых представительницам слабого пола. Выбор того или иного женского образа был обусловлен несколькими причинами, в частности, – личными представлениями об идеале женщины и её задачах в современную эпоху. Немалую роль в формировании идеального образа русской женщины сыграли библейские образы *благочестивых жён*, следовавших за Иисусом Христом до конца, а также православные представления о «*доброй жене*» – хорошей хозяйке, наделённой житейской мудростью, а также верной и преданной мужу при любых обстоятельствах. Большое значение для беженок из России имели и образы женщины только что ушедшей эпохи XIX века: *декабристок*, *пушкинской Татьяны Лариной*, *героинь И. Тургенева* и *Н. Некрасова*.

Истинное чувство Родины и поиски своего «я» в состоянии изгнания, помноженные на природную тягу к материнству и воспитанию, привели поэтесс к созданию женской личности, способную существовать в изменившихся социальных условиях, сохраняя и охраняя свою истинную природу.

В третьем разделе «Проблема русскости в творчестве поэтесс дальневосточной эмиграции» автор работы обращается к теме этнокультурного взаимодействия в русском Китае и считает, что на характер отношений русских эмигрантов с иноземным регионом, в котором им суждено было оказаться, влияли самые разные моменты: возрастные, этнические, а также гендерные.

На основе анализа обширного поэтического материала доказывается, что, несмотря на то, что бывшие россиянки чувствовали в Харбине себя достаточно уютно, многим из них так и не удалось войти в диалог с восточной культурой. Из русских литераторов знатоками китайской истории, культуры и языка оказались одни только мужчины (М. Арнольд, Н. Байков, Вс. Иванов, Ф. Камышнюк, В. Март, В. Перелешин, Н. Светлов, А. Хейдок, М. Щербаков, Е. Яшнов и др.). В творчестве поэтов-мужчин региональные особенности отозвались множественными жанровыми стилизациями. Уже сами названия текстов, подзаголовки и эпиграфы к ним отмечены ориентализмом: «Подражание китайскому»; «Из китайской философии», «Из китайской поэзии». А. Ачаир создаёт даже целый поэтический сборник («Лаконизмы», 1937), в котором воплощена попытка синтезировать китайскую философию, традиции танской лирики и малых жанров отечественной литературы.

Здесь же отмечается, что мужчины активно использовали в качестве поэтических образов предметы повседневного быта китайцев и объекты китайской топонимики и ландшафта. А вот женщины-поэтессы так и не пристрастились к столь любимым их собратьями по перу экзотическим поэтическим деталям. В их сочинениях хотя и есть стихи о Шанхае, Пекине, но дать художественные зарисовки этих городов практически не удаётся. Русских эмигранток нередко пугает их восточный (непривычный) облик. Так, например, проходя в Шанхае мимо китайских торговых рядов, лирическая героиня О. Скопиченко старается сделать это как можно быстрее: «Я пройду, озираясь рассеянно, – / Сквозь толпу, пробираясь скорей» («Шанхайское захолустье»). Впрочем, и в самом Харбине территория обитания лирической героини строго очерчена центральными («европейскими») районами, преимущественно Пристанью. А это – набережная реки Сунгари, шум и блеск воды которой несколько напоминает российские реки, будоража тем самым воспоминания о родине, и – православные храмы, куда она заходит с молитвами о родной стране и семье.

По мнению автора исследования, такая поэтическая ограниченность была во многом вызвана подсознательной боязнью раствориться в чужеродной среде, а также стремлением отгородиться от эмигрантской действительности.

Третья глава «Индивидуальные формы построения художественного мира в творчестве поэтессы русского Харбина» посвящена изучению особенностей художественного миромоделирования ярких представительниц харбинской поэзии разных поколений. Помещая творчество женщин-эмигранток в широкое контекстуальное и интертекстуальное поле, диссертант обращает внимание на смсну тематических приоритетов, связанных с эволюцией ментальных и духовных установок, на поиски в области стиха, взаимоотношения с лирикой «парижской ноты» и метрополини.

В первом разделе «Патриотическая тема и образ Родины в поэзии Александры Паркау» подчёркивается, что в литературе русского дальневосточного зарубежья творчество этой «несомненно талантливой» сочинительницы (В. Слободчикова) занимает отдельную страницу не только потому, что она была первым профессиональным поэтом русского Китая, но, в первую очередь, благодаря её тонкому лиризму. Однако на протяжении всей своей литературной деятельности она создавала ещё и патриотические стихи, центральными образами которых являются образы *родной стороны, родства, отчего дома*.

Ещё в начальный период творчества А. Паркау удалось создать тот образ Руси («матери», «отчего дома»), который является определяющим в представлении русских о себе как о нации и неотделим от русской литературной традиции. В этой связи примечателен драматический этюд «Горит Москва» (1920), имеющий знаковый характер для патриотической темы в творчестве поэтессы. Не случайно этим произведением она завершила свой второй (и последний) поэтический сборник «Родной стране» (Шанхай, 1942), состоящий, судя по имеющимся библиографиям, из новых, ранее не опубликованных стихов. Показательно также, что в центре этого произведения находится именно образ Москвы, хотя в общем контексте творчества А. Паркау образ Родины преимущественно связан с Петербургом (Петром I, Невой и т.д.). Москва, как известно, в сознании эмигрантов была не только древней столицей Родины, но и сердцем отечественного православия, центром ярко выраженной патриархальной культуры (в отличие от «холодного» и «рационального» Санкт-Петербурга).

Как и многие, кто оказался в эмиграции сразу после революции или во время войны, А. Паркау не приняла ничего советского – начиная с «безгласного» слова СССР – названия государства, «...что в насмешку всему свету / Тсперь зовут – страной Советов» («Несокрушимый всадник»). Она считала своим нравственным долгом «продолжать традиции старого времени и стоять на страже тех гуманных идеалов, к которым стремились отцы и деды. <...> Охранять и беречь прекрасную старую культуру, быт и искусство». Конечно, безмятежная и счастливая дореволюционная жизнь на родине в поэтических воспоминаниях А. Паркау, как и многих других эмигрантов первой волны, была ностальгическим мифом. Но именно идеализируемое историческое прошлое грело душу русского человека, мечтающего о возвращении, и питало его стремление «блюсти старой родины заветы». Трепетное отношение к православной культуре, певучему языку своей страны обусловлено в первую очередь тем, что хотя Родина и связывается у Паркау с конкретными географическими образами, всё-таки является понятием не столько территориальным, соотносимым с местом рождения, сколько духовным, ассоциирующимся с отношениями кровного родства. Неслучайно, создав ряд патриотических стихов в разгар Второй мировой войны, она обра-

тилась с «дочерним приветом» к стране «исконных братьев, блестящих предков, чью в наших жилах чувствуем мы кровь».

Именно в творчестве Александры Паркау определился тот круг тем, что развивался впоследствии другими поколениями поэтесс в разных вариациях и предпочтениях: тема Родины, тема женской доли на чужбине и женского счастья, тема детства, тема инокультурного окружения.

Во втором разделе «Поэтика псевдонимов Марианны Колосовой: синтез гражданских и интимных мотивов» констатируется, что сведение поэзии Колосовой только к гражданской актуальности чревато ограничением границ поэтического мира её лирики и пренебрежением к художественному мастерству поэтессы. В произведениях М. Колосовой органично соединился патриотический пафос и лирическая тональность. Синтез гражданских и интимных мотивов в творчестве этой поэтессы пронизывает все уровни художественного текста (идейно-тематический, жанровый, версификационный). Такая концепция собственного творчества сказалась и на выборе поэтессой псевдонимов, которые, как известно, всегда сопровождали её стихи. Некоторые из них настолько сроднились с личностью поэтессы, что далеко не все знатоки её жизни и творчества считают обязательным пояснять, что имя «Марианна Колосова» – тоже не что иное, как один из литературных псевдонимов. Правда, в жизнь и творчество поэтессы это второе имя вошло прочнее других, навсегда вытеснив настоящее – Римма Виноградова (в замужестве Покровская).

Выбор имени «*Марианна Колосова*» в качестве псевдонима, которым поэтесса подписывала произведения о долге, о мужестве, о непримиримости к врагам, далеко не случаен. В поэтической этимологии этого псевдонима отзывается духовное родство сочинительницы с героиней романа И.С. Тургенева «Новь» – самоотверженной революционеркой *Марианной* Синецкой, явившейся воплощением родины, счастья, борьбы и свободы. В «Формулярном списке лиц новой повести» Тургенев писал о ней: «Энергия, упорство, трудолюбие, сухость и резкость, бесповоротность – и способность увлекаться страстно... Жажда деятельности, жертвы, жертвы немедленной – вот чем она томилась». В выборе Тургеневым имени для своей героини (последнего, «парижского» романа), безусловно, чувствуется опора на мифический образ Марианны, являющейся аллегорией Великой французской революции, французской республики, а также олицетворением свободы, равенства и братства. И харбинская поэтесса это сразу уловила. Подтверждением служит факт выбора для «своей» Марианны фамилии «*Колосова*». Как известно, в начале XX века во Франции образ Марианны-Республики объединился с образом французской Сеятельницы (в результате чего возник синтетический образ *Марианны-сеятельницы*, разбрасывающей не просто зерно, а революционные идеи).

С 1929 г. (предположительно) поэтесса стала «скрываться» ещё под одним псевдонимом, этимологически восходящим к другой «тургеневской девушке», – «*Елена Инсарова*». Несмотря на тематическое разнообразие стихов, подписанных «Инсаровой», среди харбинских читателей и в литературной критике прочно закрепилось мнение о том, что под этой маской поэтесса писала лишь так называемые «женские» стихи, абсолютно противоположные тональности «Колосовой». На самом же деле, в них нашлось место не только любовно-эротическим и мистическим мотивам – тому, что дразнит и распаляет воображение: «За любовный бред в ночь угарную – / Ах, пускай вся жизнь будет сгублена!», но и сокровенным интонациям женщины, попавшей в лихолетье гражданской войны: «Тяжко каждой, если милый друг убит. /

Участь горькая для всех для нас одна». В собирательном образе лирической героини этих произведений – матери, вдовы, одинокой невесты – органично сочетается пламенная любовь к мужчине и родине.

Были у М. Колосовой и другие литературные имена – мужского рода – «Н. Юртин» и «Джунгар», используемые преимущественно в начале её карьеры (предположительно 1929-1936 гг.). Возможно, поэтому их далеко не всегда связывают с личностью поэтессы. Тем не менее, названные гетеропимы также принадлежат ей. Поэтика этих псевдонимов, аналогично имени «Ачаир», что выбрал для себя старший брат по перу А.А. Грызов, – указывает на генетическую связь поэтессы с сибирским регионом России (как известно, М. Колосова, как и А. Ачаир, была уроженкой Алтая, казачкой). Ведь слово «юрт» / «юрта», от которого, по-видимому, и произошло «Юртин», употреблялось для названия и казачьих станиц, и отдельных кочевых шалашей. Для воссоздания колорита алтайской горной местности поэтесса в одном из стихотворений упоминала о них: «Юрты островерхие дышат дымом». А тюркско-язычное имя «Джунгар» восходит, по одной версии, к этнониму воинственных кочевников, древних алтайских соседей русских, в давние времена населявших территорию современного Западного Китая, по другой же – начиная с XVIII в. обозначает самих жителей Алтая. Существует также предположение, что именно через Джунгарию будущая поэтесса и попала в Харбин (М. Ивлев).

Этимология имён, в которых, помимо мужественности «внутренней формы», обнаруживается связь с землёй, отчим домом, народным словоупотреблением, лишней раз подчёркивает стремление мифопоэтического сознания обрести утраченные основания, восстановить разорванную цепь времён. Не случаен в связи с этим выбор в качестве объекта лирического чувства *поэта*, традиционно выступающего связующим звеном между прошлым и будущим. В целом ряде дошедших до нас стихотворений Н. Юртипа и Джунгара герой предстаёт одиноким и тоскующим бродягой, непризнанным современниками и непонятым друзьями, мечтающим о «невсете на Луне» или «Джоконде». Этот образ позволяет поэтессе размышлять о человеческом мире, в котором «нет справедливости» и «шिकому тебя не жаль», о людской памяти, что «недолговечнее картона», о месте и миссии человека искусства, проходящего «кровавый» жизненный и творческий путь, но способного «разгадать чужую душу».

В завершении раздела отмечается, что не все псевдонимы были одинаково любимы поэтессой, однако каждое из них вносило новые нюансы в её поэтический портрет, становясь удобной формой для работы над собственным слогом. Кроме того, указывается, что в целом творчество М. Колосовой стоит особняком на литературной карте русского Китая. С одной стороны, её стихи отражают поэтические искания и чаяния «старших» дальневосточных стихотворцев, а с другой, обнаруживает тенденции к модернизации стиля, поиску новых жанровых модификаций.

В третьем разделе «Поэтика частной судьбы: библейские реминисценции в творчестве Ольги Тельтофт» указывается, что обращение поэтесс русского Китая к библейскому тексту было одним из способов проникновения в глубины своего «я». Образы и мотивы Священного Писания, являющиеся культурными и литературными универсалиями, помогали харбинским эмигранткам тоньше передать разнообразные оттенки интимных переживаний человека, оказавшегося вне родной культуры. Так, Л. Хаиндрова стала прибегать к библейским образам и сюжетам в стихотворениях, связанных с темой исторической памяти, эмигрантской судьбы, а вот Ф. Дмитриева, прежде всего, использовала библеизмы в любовной лирике. Эта поэтесса просцирует

библейский сюжет на жизнь лирической героини и её возлюбленного, отношения между которыми, как бы благословлённые Богом, приобретают ореол святости.

Особый интерес в отношении использования текста Библии представляет творчество О. Тельтофт, которая, судя по общему настрою стихов, очень хорошо знала Священное Писание. В первую очередь, влияние Книги книг на эту поэтессу запечатлелось в *заимствовании сюжетов* (о сотворении женщины, об участии Сары, о судьбе Рахили и др.), *топике* (образы рая, ангелов, пророков; мотивы греха, покаяния, тленности земного бытия), *лексике* (использование имён собственных, восходящих к Библии, названий предметов культа и обрядов), *грамматических формах* (употребление союзов и местоимений после существительных), *ритмико-интонационном строе* её художественных произведений (использование синтаксического параллелизма, многосоюзия, риторических восклицаний, эпически-повествовательных интонаций), а также *попытках окказионального переосмысления* библейского текста. Так, например, тематическое и лексико-образное наполнение стихотворения «Отступница», подкреплённое трехчастной композицией, позволяют соотнести его с первыми главами Ветхого Завета (история Адама и Евы и их изгнания из Эдемского сада). Библейские реминисценции, а также ставшая традиционной для О. Тельтофт оппозиция мужчина//женщина реализуются и в стихотворении «У тебя, как золотые сливы...». Эта лирическая «песня о любви» – своеобразная вариация библейской «Песни Песней» – гимна взаимной любви Соломона и Суламифи. Помимо тем, затрагивающих отношения женщины и мужчины (женщины и её детей), в творчестве О. Тельтофт рельефно обозначены представления о человеке как страннике, в жизни которого нет ничего окончательно устойчивого, прочного: «И я скитаюсь, как другие, / Такая грешная, как все» («Весеннее»). С одной стороны, ощущение отсутствия родины, беспочвенности вообще типично для поэтов-эмигрантов, а с другой – в этом опять-таки чувствуется ориентация на библейский текст, когда человеческая жизнь уподобляется пути странника. И если большинство авторов скитальческий образ жизни доводит до отчаяния, то О. Тельтофт воспринимает его по-библейски спокойно. Наверное, поэтому её лирическая героиня безболезненно переносит и момент расставания с любимым: «Уйду от тебя я без боли, без злобы; / В пути заночую в далёкой землянке / <...> / Весёлая, я побреду по дорогам...» («Уйду от тебя я без боли, без злобы...»). Тема женской природы, женской судьбы и предназначения достигает своего наивысшего эмоционального напряжения в ряде стихотворений, вошедших в сборник «Бренные песни» (Харбин, 1943) под объединяющим их заглавием «Женщина».

Отмеченные библейско-евангельские образы и мотивы в творчестве этой сочинительницы, конечно, неоднократно встречались в русской литературе. Так, поэты XIX века обращались в своих стихах к Богу и «вечным образам» в силу мучивших их религиозных вопросов. Поэты начала XX века использовали образы Апокалипсиса для передачи основного ощущения тех лет – обречённости, духовной катастрофы, трагического предчувствия конца эпохи, гибели поколения и т.д. А Ольга Тельтофт, при заметном увлечении творчеством А. Ахматовой, обращалась к Библии в силу интимно прочувствованной, личной религиозности.

В четвёртом разделе «Интертекст как способ художественного миромоделирования: лирика Нины Завадской» отмечается, что последнее поколение поэтесс-дальневосточниц, воспитанное на опыте своих старших харбинских и парижских поэтов, уловило новые тенденции литературы XX столетия, а также впитало богатейший опыт мировой художественной культуры. Уже в названиях стихотворений

молодых поэтесс обнаруживается их читательская и общезстетическая подготовленность: «Седьмой вальс Шопена», «Паганини» (В. Кондратович), «Шестая симфония Чайковского», «Оссиан», «Вильяму Шекспиру» (Н. Завадская), «Во власти "Алых парусов" А. Грина», «От Ахматовой – примирённость...», «Над книжкой стихов М. Колосовой» (А. Кондратович).

Благодарное приятие искусства предшественников и современников последними представительницами женской лирики русского Китая проявилось, в первую очередь, в художественных (литературных, музыкальных, живописных) *реминисценциях*: «В ту ночь – всех ночей чудесней, / Услышал первым пастух» («Звезда», Н. Завадская), *стилизациях*: «Я – Суламифь... / Жаждой моей волнуем, / приди, / горечь развеи! // Шею обвив, / зпойным прильну поцелуем / к груди / твоей» («Песнь Песней», В. Кондратович), а также использовании *сказовых форм*: «Здравствуйте, милая! Что, не ждали? / Боже! Какой невозможный ветер. / Что же вы в среду не забежали? / Мы проиграли в маджан весь вечер» («Мимоходом», В. Кондратович).

Первые попытки расширить свои литературные горизонты и перестать «вариться в собственном соку», безусловно, принадлежали ещё предшествующему поколению харбинских лириков. Однако их интертекстуальные интенции всё-таки замыкались на творческом наследии «серебряного века» и «парижской ноты». Молодые же сочинительницы, погружаясь в далёкие и в предшествующие эпохи, открывали более широкие горизонты художественного мировидения, сочетая глубокое знание «культурных кодов» русской и зарубежной культуры с новой техникой стиха.

Особый интерес в отношении поэтических новаций в женской лирике 1940-х гг. представляет творчество самой юной харбинской поэтессы Нины Завадской. Возникновению большинства произведений Н. Завадской способствовало, как признавалась она сама, её прочное знание истории. По сведениям современников, эта девушка не поддавалась мимолетному впечатлению, когда писала стихи, а внимательно изучала малейшую деталь происходившего. Увлечение историей, искусством, литературой средних веков, эпохи Возрождения, творчеством европейских романтиков и символистов XIX века сказалось в оригинальности поэтических образов и сравнений. В стихах Н. Завадской «ветер поёт стихами *Верлена*», «шляпа, как на картинах *Ватто*». В голове её лирической героини, счастье которой – читать из томка *Данте* «стихи о загробном мщеньи», звучит «непрестанно *Шуберта Ave Maria*». В нескольких произведениях отчётливо слышны отзвуки знаменитых текстов В. Шекспира. Так, стихотворение «Дуй, ветер, дуй» представляет собой своеобразную инсценировку рождения замысла «Короля Лира», а «Одна ночь» одновременно перекликается с исторической хроникой «Ричард III» и трагедией «Гамлет». Есть у поэтессы и специально посвящённое английскому драматургу лирическое сочинение, которое, кстати, во многом «копирует» стихотворение В. Набокова на аналогичную тему. Интерес к художественным поискам и версификационным находкам авторов самых разных эпох привёл Н. Завадскую к смелым экспериментам со знаковыми именами, классическими образами, тонической системой стихосложения, неточной рифмой, её деграмматизацией. В результате этого в её стихах рождаются оригинальные, порой неожиданные смысловые эффекты.

В завершении раздела делается вывод, что в поэзии Н. Завадской (и в творчестве её ровесниц) гендерная подоплека не явлена столь отчётливо, как в лирике предшествовавших трёх поколений сочинительниц русского Китая. Во многом сказался здесь возрастной фактор – юные поэтессы не успели в нужной мере осознать свою

родовую принадлежность, познать материнское чувство. Их поэтические интенции в основном носили игровой, внегендерный характер.

В **Заключении** подводятся краткие итоги исследования и отмечается, что геополитическая и социокультурная ситуация в русском Китае сложилась таким образом, что там возникли наиболее благоприятные условия для развития творческой деятельности женщин. Именно женщинам принадлежит право зачинательниц литературной жизни в русском Харбине (Т. Андреева, Т. Баженова, А. Паркау). Они оказались всемерно задействованы в журналистской практике, им открылись двери литературных салонов и художественных студий, была дана возможность публиковаться и встречать благосклонные отзывы. Это и обусловило появление среди российских эмигранток в Китае большого количества поэтесс, а также определило звучание их лирики.

Женская поэзия во многом развивалась параллельно с творчеством мужчин. Поэтому в первую очередь она отразила универсальные тенденции развития беженской литературы в русском Китае. Это проявилось в обращении к общим темам и мотивам (утрата Родины, воспоминание о России, обращение к прошлому своей страны), в склонности к мифологизации собственной судьбы как к способу воплощения нереализованных поэтических возможностей и осуществления несбыточных стремлений (Л. Андерсен, А. Ачаир, М. Колосова, А. Несмелов, Л. Хаиндрова).

Кроме того, лирика русских эмигранток Китая органично унаследовала традиции «серебряного века», отразившиеся в особенностях поэтического языка и версификационных приоритетах. Женщины-сочинительницы испытали одинаковое с мужчинами-стихотворцами воздействие лирики А. Блока, Н. Гумилёва, А. Ахматовой, И. Северянина и др. поэтов первых десятилетий прошлого века. Показательно, что знаковым именем, как для поэтов-мужчин, так и для слагавших стихи женщин, оказывается Гумилёв (а никак не Ахматова для женщин, при заметном её влиянии ни их творчество).

В то же время творчество харбинских поэтесс характеризуется и рядом специфических черт. В первую очередь, женское начало проявилось в обращении к теме материнства и её различных коннотациях. Главная для русского сознания задача женщины-матери – воспитание подрастающего поколения, в эмиграции оказалась напрямую связанной с проблемой сохранения русскости. Русские изгнанницы в условиях инокультурного окружения ощутили себя единственными охранительницами национальной культуры и обычаев, памяти об утраченной Родине.

В отличие от авторов-мужчин, ищущих «обновления художественной впечатлительности» в поиске «живой музыки с узкими глазами» (Н. Щёголев), художественный процесс этнокультурного самопознания не привёл женщин-поэтесс к желанию сблизиться с иноязычным регионом (за исключением тех, кто сам ощущал себя маргиналом в этнокультурном и этнопсихологическом отношении). «Этнокультурный консерватизм» большинства российских эмигранток подспудно повлиял и на развитие жанровых тенденций женской лирики. Настойчивое желание сохранить *русскость* сказалось, в частности, на расширении жанрового репертуара за счёт обращения к национальным фольклорным истокам. В творчестве одной из крупнейших поэтесс – Марианны Колосовой – это вылилось в органический синтез гражданского и интимного начала, в стремлении к лирическому осмыслению истории Руси в генетически связанных жанрах песенной лирики и лиро-эпики: от лирической песни, причети, псалмы (вид духовных стихов старообрядцев) до городского романса, жестокого романса. Одним из распространённых жанров женской лирики становится молитва, к

которой обращаются Ф. Дмитриева, И. Завадская, Е. Недельская, О. Тельтофт и многие другие. Установка на особую исповедальность приводит поэтесс к использованию жанра «дневниковой записи», «лирической новеллы», «разговора», «письма» (Ф. Дмитриева, М. Колосова, Н. Резникова, О. Скопиченко, Э. Трахтенберг и др.).

Своеобразное решение в лирике эмигранток приобрели и общие с мужчинами-поэтами «поколенческие проблемы». Личная мифология неразрывно сплетается у некоторых из сочинительниц с архетипическим образом Матери-сырой земли, России-матери (М. Колосова, А. Паркау). Усиление индивидуального начала в творчестве не приводит к экзистенциальным интонациям, как в «мужских» текстах (Г. Грани, Н. Петерс, Н. Щёголев), а воплощается в библейских мотивах и образах (Ф. Дмитриева, Е. Недельская, О. Тельтофт, Л. Хаиндрова).

Другой характерной особенностью женского художественного творчества является постепенное сближение с лирикой метрополии. Любопытными схождениями отмечено звучание агитационной комсомольской поэзии и юных активистов-бейтарцев Харбина (Р. Кольберг), творчества конструктивистов (И. Сельвинского, В. Луговского) и произведений В. Кондратович. В стихах последней представительницы харбинской лирики – Нины Завадской – благотворно сказался литературный опыт предшествующих поколений русских беженцев, развивающих метапоэтическое начало в художественном творчестве (В. Набокова, А. Несмелова, Н. Петерса, Н. Щёголева и др.). Возможно, позднее установка на декламационную и визуальную экспрессивность обнаружилась бы в текстах последних харбинок намного сильнее, но, к сожалению, поступательное развитие литературной истории русского Харбина было прервано в 1945 г. приходом советских войск и началом массового исхода российских беженцев из Китая, в результате которого русская цивилизация Харбина исчезла, как Атлантида.

В **Списке литературы** даётся по возможности полный перечень исследований и статей о творчестве поэтесс русского Китая, а также ряда работ, посвящённых культурному и литературному контексту, в котором складывались их художественные миры. Список литературы содержит также те работы, которые определили собой методологический аппарат исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Эфендиева, Г.В. Судьбы еврейской диаспоры в Китае (по материалам «Бюллетеня Игуд Иоцей Син») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2002. – Вып. 3. – С. 469-475.
2. Эфендиева, Г.В. Библейские образы и мотивы в поэзии Ольги Тельтофт // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2003. – Вып. 5. – С. 334-340.
3. Эфендиева, Г.В. «Мой мир – мозанка стихов» (о поэтическом наследии Рахели Кольберг) // Бюллетень «Игуд Иоцей Син». – Тель-Авив – Яффо, 2003. – № 376 (июнь-июль). – С. 56-59.
4. Невалённая, Т.А., Эфендиева, Г.В. «Женская лира» дальневосточного зарубежья // Язык и литература русского восточного зарубежья : материалы областного научно-методического семинара «Региональный компонент в преподавании русского языка и литературы» / под общ. ред. Е.А. Оглезневой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2003. – С. 66-77.

5. Эфендиева, Г.В. Шекспировский контекст в лирике Нины Завадской (о версификации двух стихотворений поэтессы) // Вестник Амурского государственного университета. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2004. – Вып. 24. – С. 91-93.
6. Забияко, А.А., Эфендиева, Г.В. Литературный псевдоним в опыте личной мифологии поэта (Контекст творческих исканий харбинских лириков) // Проблемы художественного миромоделирования в русской литературе : сборник научных трудов / под ред. А.В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2004. – Вып. 7. – С. 29-53.
7. Эфендиева, Г.В. Своеобразие патриотических мотивов в лирике А. Паркау // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён до начала XX века) : материалы международной научной конференции. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2004. – С. 378-382.
8. Забияко, А.А., Эфендиева, Г.В. Вергиниада русского Китая (образ А.Вергинского в литературе восточного зарубежья) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2004. – № 4 (4). – С. 152-161.
9. Эфендиева, Г.В. О «русскости» харбинских поэтов: личностные ощущения и художественные пристрастия // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Мост через Амур : сборник материалов международной научной конференции / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2006. – Вып. 7. – С. 313-327.
10. Эфендиева, Г.В. Художественное творчество женщин в литературном процессе русского Китая // Русский Харбин, запечатлённый в слове : сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2006. – Вып. 1. – С. 7-22.
11. Эфендиева, Г.В. Рецепция женского творчества в культурном сознании дальневосточной эмиграции // Русский Харбин, запечатлённый в слове : сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2006. – Вып. 1. – С. 50-64.
12. Эфендиева, Г.В. «Вот и я, улыбаясь людям, прохожу по земным лугам...» (о поэтессе русского Китая Лариссе Андерсен) // Амур: литературно-художественный альманах. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2006. – № 5. – С.17-21.
13. Эфендиева, Г.В. Об особенностях поэтической религиозности русского эмигранта (по страницам женской лирики русского Харбина) // Религиоведение. – 2006. – № 4. – С. 35-47.

**Эфендиева Галина Владимировна (Россия)
Художественное своеобразие женской лирики
восточной ветви русской эмиграции**

Диссертационное исследование посвящено изучению лирики русского Китая 20-40-х гг. XX века. В нём рассматривается литературная деятельность четырёх поколений поэтесс-эмигранток в сопоставлении с творчеством поэтесс западного зарубежья и метрополии, а также творчеством поэтов-мужчин восточной эмиграции. В работе описываются обстоятельства пребывания харбинских сочинительниц в поэтическом объединении «Чураевка», определяется роль, которую играли женщины-авторы в литературной жизни русского Китая, даются их творческие портреты на основе тематико-образного и версификационного анализа лирических произведений.

В диссертации анализируются как отдельные сборники стихов поэтесс русской диаспоры в Китае, так и затерянные в эмигрантских периодических изданиях художественные и критические тексты, значительный корпус мемуарной литературы, архивные и библиографические материалы, связанные с творчеством харбинских лириков. Материал исследования и сделанные на его основе выводы могут быть использованы при изучении отечественной литературы XX века, в спецкурсах по проблемам русской эмигрантской литературы, а также в дальнейшем исследовании поэзии дальневосточного зарубежья.

**Galina V. Efendieva (Russia)
The artistic originality of the female lyric
of the East branch of Russian emigration**

The dissertation is devoted to studying of lyric of Russian China in 20-40-x of the XX century. In it the author analyzes the literary activity of four generations of poetesses-emigrants in comparison with creativity of poetesses of the forcing West and the mother country, and is also compared with creativity of men-poets of the East emigration. In the research the circumstances of the stay of Harbin authors in the poetic circle «Churaevka» are described, the role they played in the literary life of Russian China is defined; their creative portraits are given on the basis of thematic-shaped and versification analysis of the iv lyrical works.

In the dissertation the author analyzes separate poetic collections of poetesses of the Russian diaspora in China, art and critical texts, in emigrant periodicals, the significant case of memoirs literature, the archival and bibliographic materials connected with creativity of Harbin lyrists. The material of the research and the conclusions made can be used in studying the domestic literature of the XX century, in special courses on problems of the Russian emigrant literature, and also in the further research of poetry of Russian China.

Отпечатано в ООО «Оргсервис—2000»
Подписано в печать 12.10.06 Объем 1,00 п.л.
Формат 60x90/16. Тираж 100 экз. Заказ № 12/10—3ч
115419, Москва, ул. Орджоникидзе, 3

d 1.9r - 101 - 211